

Общая психология, психология личности, история психологии

УДК 159.923.2 + 791.221.6:159.923.2
ББК Ю932.12

Я-КОНЦЕПЦИЯ, ЛИЧНОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ СЦЕН НАСИЛИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КИНОФИЛЬМОВ). СООБЩЕНИЕ 2

М.В. Зубакин, Л.Я. Дорфман

Приводятся результаты исследования черт личности в качестве медиаторов между Я-концепцией и психосемантическим оцениванием художественных кинофильмов со сценами насилия. В исследовании приняли участие 199 студентов вузов (100 юношей и 99 девушек). Строились три класса моделей в терминах структурных линейных уравнений: с начальным, средним и высоким уровнями интеграции. Результаты свидетельствовали о том, что наиболее пригодными и вероятными являются одна модель среднего и две модели начального уровня интеграции. В них самоактуализация и поиск ощущений (совместно или по отдельности) выступали медиаторами между Я-концепцией (отдельными субмодальностями полимодального Я) и психосемантическим оцениванием кинофильмов со сценами насилия (по шкалам «Оценка» и «Сила»). Однако враждебность, отзывчивость, «адаптированный ребенок» и беспомощность как черты личности не выполняли функцию медиаторов. Предполагается, что в этих данных выражается ограниченная связность личности при восприятии кинофильмов со сценами насилия.

Ключевые слова: Я-концепция, полимодальное Я, самоактуализация, поиск ощущений, психосемантическое оценивание, сцены насилия в кинофильмах.

Общие теоретические и эмпирические обоснования, описание выборки и дизайна исследования представлены в более ранней публикации авторов (Зубакин, Дорфман, 2014). В настоящей статье приводятся результаты моделирования эмпирических данных посредством структурных линейных уравнений как одного из методов многомерного статистического анализа. Модели и их сравнения описываются в терминах, принятых при использовании данного метода.

Результаты

Представляется целесообразным представить статистические критерии оценки моделей, полученных посредством структурных линейных уравнений.

Функция расхождения между эмпирической и теоретической моделями определялась методом максимального правдоподобия (Maximum Likelihood). Поиск базового решения определялся методом кубической интерполяции (Cubic interpolation).

Пригодность моделей оценивалась по 6 индексам. Первый индекс – χ^2 -статистика. В

пользу пригодности модели свидетельствует незначимая χ^2 -статистика (Bryant, Yarnold, 1998). Но χ^2 -статистика может быть и значимой, поскольку зависит от размера выборки (Bentler, 1995). Второй индекс – ошибка аппроксимации по Стейгеру–Линду (RMSEA). Он указывает на хорошую пригодность модели при значениях 0,05 и меньше, приемлемую пригодность при значениях 0,06–0,08, слабую пригодность при значениях близких к 0,1 – (Steiger, 1990). Третий индекс – «хорошей» пригодности (GFI). Значения свыше 0,90 указывают на приемлемость модели, а значения свыше 0,95 – на ее полную пригодность (Schermelleh-Engel, Moosbrugger, Müller, 2003; Schumacker, Lomax, 1996). Четвертый индекс – отрегулированной пригодности (AGFI). Аналогичные значения составляют 0,85 и 0,90 соответственно (Jöreskog, Sörbom, 1989; Bentler, 1990). Пятый индекс – сравнительной пригодности (CFI). Значения свыше 0,95 указывают на приемлемость модели, а при значениях 0,97 и выше – на ее хорошую пригодность (Schermelleh-Engel, Moosbrugger,

Общая психология, психология личности, история психологии

& Müller, 2003). Шестой индекс – отношение χ^2 -статистики к степеням свободы (χ^2/df). Отношение меньше 2 свидетельствует о пригодности модели (Bутне, 1989).

Для сравнения моделей использовался χ^2 -тест на различия: $\chi^2 M_1 - \chi^2 M_2 / df M_1 - df M_2$, где M_1 и M_2 – сравниваемые модели, df – степени свободы этих моделей. Более вероятной считается модель с меньшим значением χ^2 (Bentler, 1990).

Ниже представлены результаты оценки пригодности моделей с начальным, средним и высоким уровнями интеграции.

Модели с начальным уровнем интеграции

Индексы пригодности этих моделей приведены в табл. 1. Все модели были пригодными, однако сравнить их статистически было невозможно из-за одинаковых значений df (степеней свободы моделей). При аналитическом сравнении более пригодными выглядят модели А–М₃ и А–М₄, в которых в качестве

переменных-медиаторов в связях полимодального Я и психосемантического оценивания кинофильма со сценами насилия выступали самоактуализация и поиск ощущений.

Модели со средним уровнем интеграции

Согласно данным табл. 2, модели В2–М₃, В2–М₄, В3–М₅ и В3–М₆ являются пригодными, модель В1–М₂ – приемлемо пригодной и В1–М₁ – непригодной. По аналогичным основаниям (равные df) выполнялось не статистическое, а аналитическое сравнение моделей. Более пригодной выглядит модель В3–М₆, которая включает в себя самоактуализацию и поиск ощущений совместно, рассматриваемые как переменные-медиаторы в связях полимодального Я и психосемантического оценивания кинофильма со сценами насилия.

Модели с высоким уровнем интеграции

Результаты аналитического сравнения моделей с высоким уровнем интеграции (табл. 3) свидетельствуют о том, что модели

Таблица 1
Индексы пригодности моделей с начальным уровнем интеграции

Модели	Статистические индексы моделей						
	RMSEA	GFI	AGFI	CFI	χ^2	df	χ^2/df
А–М ₁	0,05	0,93	0,90	0,97	109,70*	70	1,57
А–М ₂	0,04	0,93	0,90	0,96	106,15*	70	1,52
А–М ₃	0,03	0,94	0,91	0,98	89,77	70	1,28
А–М ₄	0,03	0,94	0,91	0,98	88,80	70	1,27

Примечания: 1. Здесь и далее используются следующие наименования статистических индексов моделей структурного линейного моделирования: RMSEA – ошибка аппроксимации по Стейгеру–Линду; GFI – индекс пригодности; AGFI – отрегулированный индекс пригодности; CFI – сравнительный индекс пригодности; χ^2 – значение χ^2 -статистики; df – степени свободы моделей.

2. * $p < 0,001$.

Таблица 2
Индексы пригодности моделей со средним уровнем интеграции

Модели	Статистические индексы моделей						
	RMSEA	GFI	AGFI	CFI	χ^2	df	χ^2/df
В1–М ₁	0,07	0,89	0,85	0,92	215,61*	108	2,00
В1–М ₂	0,06	0,90	0,86	0,94	189,46*	108	1,75
В2–М ₃	0,04	0,92	0,89	0,96	162,67*	108	1,51
В2–М ₄	0,04	0,92	0,89	0,96	160,83*	108	1,49
В3–М ₅	0,04	0,92	0,89	0,95	158,36*	108	1,47
В3–М ₆	0,03	0,93	0,90	0,98	128,41	108	1,19

* $p < 0,001$.

Таблица 3
Индексы пригодности моделей с высоким уровнем интеграции

Модели	Статистические индексы моделей						
	RMSEA	GFI	AGFI	CFI	χ^2	df	χ^2/df
С1–М ₁	0,07	0,87	0,82	0,91	309,10*	155	1,99
С2–М ₂	0,06	0,88	0,84	0,91	287,82*	155	1,86
С2–М ₃	0,05	0,89	0,86	0,93	257,89*	155	1,66
С2–М ₄	0,04	0,91	0,88	0,96	219,23*	155	1,41

* $p < 0,001$.

C1–M₁, C2–M₂ и C2–M₃ являются наименее пригодными, а по отдельным индексам (прежде всего – по AGFI) – непригодными. Приемлемо пригодной является модель C2–M₄, в которой поиск ощущений, черты личности (по Gough & Heilbrun, 1983) и самоактуализация совместно выступали в качестве переменных-медиаторов в связях полимодального Я и психосемантического оценивания кинофильма со сценами насилия.

Сравнение пригодности моделей разных уровней интеграции

В табл. 4 приводятся результаты сравнения пригодных моделей разного уровня интеграции.

Таблица 4
Сравнение моделей разных классов интеграции

Модели	χ^2	df	Сравнение моделей	$\Delta\chi^2$
C2–M ₄	219,23*	155	–	
B3–M ₆	128,41	108	B3–M ₆ vs C2–M ₄	90,82*
A–M ₃	89,77	70	A–M ₃ vs B3–M ₆	38,64
A–M ₄	88,80	70	A–M ₄ vs B3–M ₆	39,61

* $p < 0,001$.

Модель B3–M₆ оказалась более пригодной, чем модель C2–M₄ ($\Delta\chi^2(47) = 90,82$, $p < 0,001$) и не отличалась по степени пригодности в сравнении с моделями A–M₃ и A–M₄ ($\Delta\chi^2(38) = 38,64$, $p > 0,05$, и $\Delta\chi^2(38) = 39,61$, $p > 0,05$ соответственно). Следовательно, наиболее пригодными (и вероятными) являются три модели: A–M₃, A–M₄ и B3–M₆. Опишем эти модели.

Модель A–M₃ относится к моделям с начальным уровнем интеграции. В ее состав вошли экзогенные переменные¹ Авторского Я, Воплощенного Я и Вторящего Я, переменная-медиатор самоактуализации, эндогенная переменная психосемантического оценива-

ния. В каждую экзогенную переменную вошли по три манифестные переменные ($p < 0,001$). Экзогенные переменные Авторского Я и Вторящего Я коррелировали отрицательно. В переменную-медиатор самоактуализации также вошли три манифестные переменные ($p < 0,001$). В эндогенную переменную психосемантического оценивания вошли две манифестные переменные – «Оценка» (с положительным знаком, $p < 0,001$) и «Сила» (с отрицательным знаком, $p < 0,001$).

Пути² от экзогенных переменных к переменной-медиатору и от нее к эндогенной переменной были значимыми (рис. 1).

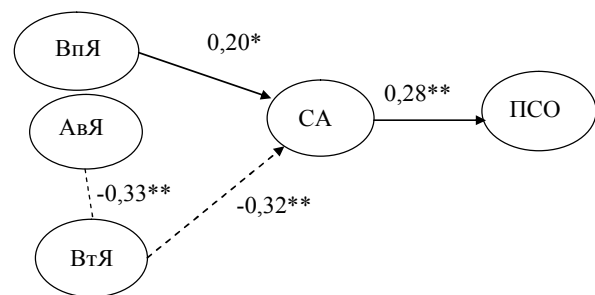

Рис. 1. Диаграмма путей в модели A–M₃:

АвЯ – экзогенная переменная «Авторское Я», ВпЯ – экзогенная переменная «Воплощенное Я», ВтЯ – экзогенная переменная «Вторящее Я», СА – переменная-медиатор «Самоактуализация», ПСО – эндогенная переменная «Психосемантическое оценивание». Изображения манифестных переменных экзогенных и эндогенных переменных, а также переменных-медиаторов опущены. * $p < 0,01$, ** $p < 0,001$

К самоактуализации проходят пути от Воплощенного Я (с положительным знаком коэффициента, $p < 0,001$) и от Вторящего Я (с отрицательным знаком коэффициента, $p < 0,01$). Далее от самоактуализации проходит общий путь к эндогенной переменной психосемантического оценивания (с положительным знаком коэффициента, $p < 0,001$).

¹ Эндогенными переменными называются переменные, значения которых полностью определяются причинными связями, заданными в исследуемой модели, а экзогенными — переменные, в отношении которых предполагается, что они теоретически могут оказывать заметное воздействие на эндогенные переменные, однако их значения определяются внешними процессами, не включенными на момент исследования в рассматриваемую модель. Связанные с каждой эндогенной переменной возмущающие члены показывают, какая доля изменчивости соответствующей эндогенной переменной не объясняется другими переменными, входящими в данную модель (прим. редакции).

² Применяется терминология одного из вариантов использования моделирования структурными уравнениями – причинного моделирования (анализ путей) как инструмента для указания, какие переменные вызывают изменения в других переменных. Графическим эквивалентом причинного моделирования являются диаграммы путей, напоминающие по своему виду блок-схемы, в которых причинно связанные переменные соединяются линиями («связь», «путь»). Каждая связь или путь включает в себя две переменные (заключенные в прямоугольник или овал), соединенные линиями-стрелками или дугами без стрелок. Все независимые переменные (переменные в правой части уравнения) имеют стрелки, указывающие на независимые переменные, с приведением значений весовых коэффициентов (прим. редакции).

Модель А-М₄ также относится к моделям с начальным уровнем интеграции. В ее состав вошли экзогенные переменные Авторского Я, Воплощенного Я и Вторящего Я, переменная-медиатор поиска ощущений и эндогенная переменная психосемантического оценивания. В каждую экзогенную переменную вошли по три манифестные переменные ($p < 0,001$). Экзогенные переменные Авторского Я и Вторящего Я так же, как и в модели А-М₃, коррелировали отрицательно. В переменную-медиатор поиска ощущений вошли три манифестные переменные ($p < 0,001$). В эндогенную переменную психосемантического оценивания, как и в модели А-М₃, вошли две манифестные переменные – «Оценка» (с положительным знаком, $p < 0,001$) и «Сила» (с отрицательным знаком, $p < 0,001$).

Пути от экзогенных переменных к переменной-медиатору и от нее к эндогенной переменной были значимы.

Путь проходил от Воплощенного Я к поиску ощущений (с положительным знаком коэффициента, $p < 0,001$). Далее путь проходил к психосемантическому оцениванию ($p < 0,01$).

Полученные результаты отображены на рис. 2.

Модель ВЗ-М₆ относится к моделям со средним уровнем интеграции. В ее состав вошли экзогенные переменные Авторского Я, Воплощенного Я и Вторящего Я, переменные-медиаторы поиска ощущений и самоактуализации, эндогенная переменная психосемантического оценивания. В каждую экзогенную переменную вошли по три манифестные переменные ($p < 0,001$). Как и в ранее рассмотренных моделях, переменные Авторского Я и Вторящего Я коррелировали отрицательно. В переменные-медиаторы вошли по три манифестные переменные ($p < 0,001$). В эндо-

генную переменную психосемантического оценивания вошли манифестные переменные «Оценка» и «Сила» с положительным и отрицательным знаками соответственно ($p < 0,001$).

Пути от экзогенных переменных к переменным-медиаторам и от них к эндогенной переменной были значимы.

Путь проходил от Воплощенного Я к поиску ощущений (с положительным знаком коэффициента, $p < 0,001$) и самоактуализации (с положительным знаком коэффициента, $p < 0,01$). Далее возникали пути от обоих медиаторов к психосемантическому оцениванию (с положительными знаками коэффициентов, $p < 0,001$ и $p < 0,01$ соответственно).

Еще один путь проходил от Вторящего Я к самоактуализации (с отрицательным знаком коэффициента, $p < 0,001$) и от нее далее – к психосемантическому оцениванию (с положительным знаком коэффициента, $p < 0,01$).

Полученные результаты отображены на рис. 3.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о наибольшей пригодности двух моделей с начальным и одной модели со средним уровнем интеграции в сравнении с моделями высокого уровня интеграции. В связи с этим встает вопрос о допустимом масштабе интеграции полимодального Я, черт личности и психосемантического оценивания кинофильмов. По-видимому, в моделях с начальным и средним уровнями интеграции выражается ограниченная связность личности с учетом специфики восприятия кинофильмов со сценами насилия.

Центральная гипотеза исследования заключалась в том, что черты личности (поиск ощущений, враждебность, самоактуализация,

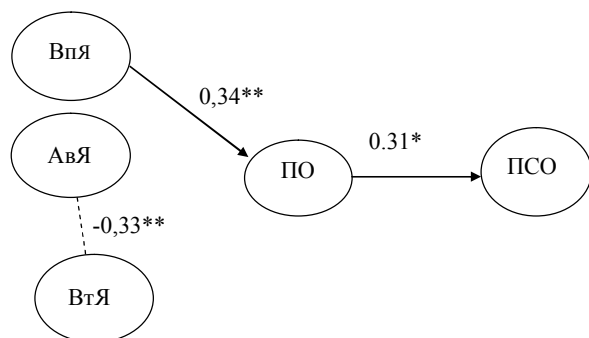

Рис. 2. Диаграмма путей в модели А-М₄ (условные обозначения см. рис. 1). * $p < 0,01$, ** $p < 0,001$

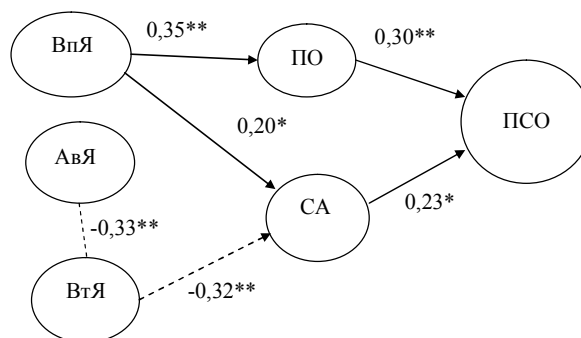

Рис. 3. Диаграмма путей в модели ВЗ-М₆ (условные обозначения см. рис. 1). * $p < 0,01$, ** $p < 0,001$

отзывчивость, «адаптированный ребенок» и беспомощность) могут выступать в роли опосредующих звеньев (медиаторов) между субмодальностями Я и психосемантическим оцениванием сцен насилия в кинофильмах. В части переменных-медиаторов эта гипотеза получила эмпирическую поддержку в отношении самоактуализации (гибкости поведения, самопринятия, контактности) и поиска ощущений (растормаживания, поиска впечатлений и приключений, поиска переживаний и нового опыта). Однако враждебность, отзывчивость, «адаптированный ребенок» и беспомощность как черты личности не выполняли функцию медиаторов. В этих данных также проявляется ограниченная связность личности зрителей – опять-таки, возможно, в связи со спецификой восприятия кинофильмов со сценами насилия.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что указанные черты личности выполняют функцию медиаторов, поскольку прямые связи между субмодальностями Я и психосемантическим оцениванием не возникают. Сравнение опосредованных и прямых связей является необходимым условием при построении медиаторных моделей (Dorfman & Ogorodnikova, 2007; Frazier, Tix & Barron, 2004; Holmbeck, 1997). Наши данные этому условию соответствуют.

Анализ наиболее пригодных моделей с начальным и средним уровнями интеграции продолжим с переменных-медиаторов. Это представляется оправданным в контексте теории каузальных цепей Маркова. Марковская каузальная цепь рассматривается как дискретный процесс, состоящий из узлов (переменных) и переходами между ними. Следующее состояние зависит в наибольшей степени от предшествующего ближайшего состояния и в наименьшей степени от удаленных от ближайшего состояний. Эту особенность Марковской цепи обозначают термином «отсутствие памяти» («memoryless») у узлов на отдаленные прошлые события (Hayes, 2013).

Обращает на себя внимание, что во всех трех моделях переменные-медиаторы самоактуализации и поиска ощущений были положительно связаны с психосемантическим оцениванием на фоне положительной связи с последним фактора «Оценка» и отрицательной – фактора «Сила». Это может означать, что самоактуализация и поиск ощущений способствуют психосемантическому оценива-

нию сцен насилия в кинофильмах по фактору «Оценки», но тормозят психосемантическое оценивание этих сцен по фактору «Силы».

Некоторое удивление вызывают сами по себе связи самоактуализации (гибкости поведения, самопринятия и контактности) с психосемантическим оцениванием. Правда, они носят ограниченный характер, поскольку не затрагивают параметров «Активности».

Объяснение данного факта, на наш взгляд, может содержаться в особенностях самоактуализирующихся личностей (Маслоу, 2009). Гибкость поведения позволяет адаптироваться к разным ситуациям, не изменяя себе и своим ценностям, что дает возможность спонтанно и вопреки социальным стереотипам реагировать на разнообразную информацию, в том числе о насилии. Самопринятие распространяется не только на собственные достоинства и недостатки, импульсы и желания (в том числе агрессивные и враждебные), но и на медийный мир с изображением людей такими, какие они есть (в том числе с жестокостью и склонностью к насилию некоторых из них в реальной действительности). Имеются данные о связях самопринятия с пониженными уровнями тревоги, вины и стыда (Маслоу, 2009). Мы полагаем, что последние могут способствовать положительной оценке кинофильмов со сценами насилия. В наших исследованиях было обнаружено, что самообвинение и чувство вины снижаются в ответ на восприятие кинофильмов со сценами насилия (Дорфман, Зубакин, 2012; Зубакин, 2012). Контактность включает в себя, кроме способности устанавливать глубокие контакты с другими людьми, высокую избирательность партнеров и поэтому относительную независимость от них. Возможно, именно избирательность в контактах позволяет зрителям с высоким уровнем самоактуализации оставаться независимыми от социальных стереотипов в своих оценках кинофильмов со сценами насилия.

При анализе вкладов поиска ощущений в психосемантическое оценивание сцен насилия в кинофильмах представляется целесообразным обратиться к нашим данным (Дорфман, Зубакин, 2013). Полученные в настоящем исследовании результаты совпадают с данными ранее выполненного исследования по переменным растормаживания, поиска впечатлений и приключений, а также психосемантической шкалы «Оценка». Правда, они несколь-

ко расходятся по переменной поиска переживаний и нового опыта. Отметим также различия в оценке роли психосемантической шкалы «Сила», которая, по данным наших предыдущих исследований, не сопрягалась с переменными поиска ощущений. Впрочем, эти различия не имеют критического значения и носят частный характер. В частности, они могут быть обусловлены различиями в применявшихся статистических методах: в предыдущих исследованиях использовались методы корреляционного и дисперсионного анализов, а в настоящей статье описываются результаты, полученные на основе линейных структурных уравнений.

В целом, полученные данные можно объяснить с позиции теории М. Цукермана (Zuckerman, 1979). Согласно этой теории, поиск ощущений представляет собой психофизиологический механизм восстановления оптимального уровня бодрствования. Действительно, сцены насилия в кинофильмах могут выполнять компенсаторную роль у зрителей с пониженным базовым (исходным) уровнем бодрствования. В свою очередь, восприятие сцен насилия может способствовать повышению степени выраженности бодрствования за счет новых ощущений. Как было показано еще в исследованиях Hebb (1955), это может сопровождаться положительными эмоциями и снижением неприятных переживаний типа скуки.

Предположительно, самоактуализацию и поиск ощущений объединяет потребность в новизне, присущая как самоактуализирующимся личностям (Маслоу, 2009), так и личностям с выраженным поиском ощущений (Cloninger, 2003; Vartanian, Martindale & Kingery, 2002). В пользу этого предположения косвенно свидетельствуют полученные нами следующие эмпирические данные. Было установлено, что самоактуализация (самопринятие) и поиск ощущений (растормаживание) положительно коррелируют при $r=0,14$, $p<0,05$.

При анализе экзогенных переменных (в качестве которых выступали субмодальности Я – Авторское, Воплощенное и Вторящее) требует объяснения их влияние на рассмотренные выше переменные-медиаторы (самоактуализацию и поиск ощущений).

Полученные в нашей работе эмпирические данные о положительной связи Воплощенного Я с переменными-медиаторами самоактуализации и поиска ощущений вступа-

ют в некоторое противоречие с ранее опубликованными данными в части самоактуализации (Дорфман, Соболева, 2000), но поддерживают данные в части поиска ощущений (Зубакин, 2010). Так, Дорфман и Соболева (2000) обнаружили, что Воплощенное Я способствует пониженному самопринятию и замедленному установлению глубоких контактов с людьми. Данные, изложенные в настоящей работе, отражают противоположный результат.

Далее можно предположить, что склонность обладать (предметами мира и другими людьми) выступает общей и ближайшей предпосылкой самоактуализации и поиска ощущений (выше в качестве таковой мы указывали поиск новизны). Можно далее предположить, что за поиском новизны и склонности к обладанию «скрывается» Воплощенное Я. Это неудивительно, поскольку имеются данные о связях Воплощенного Я с креативным мышлением, а существенным фактором последнего как раз является стремление к новизне и склонность к обладанию (Дорфман, 2007; Дорфман, Зубакин, 2010; Зубакин, 2010).

Наши результаты свидетельствуют о том, что путь к самоактуализации от Воплощенного Я имеет положительный знак, а от Вторящего Я, наоборот, отрицательный знак. Возможно, Вторящее Я выполняет тормозящую роль в отношении самоактуализации, что соотносится с данными Дорфмана и Соболевой (2000). Противоречие между Вторящим Я и самоактуализацией можно объяснить тем, что первое предполагает отношения зависимости от внешних факторов, а вторая, напротив, – отражает отношения независимости от внешних обстоятельств, в определенной степени – автономность. Отрицательная корреляция Вторящего Я с Авторским Я в нашей работе также свидетельствует об этом. Но, поскольку в рассматриваемых моделях Авторское Я и самоактуализация сопрягались через Вторящее Я, можно полагать, что Вторящее Я служит посредником, сдерживающим их обоих (при том, что Авторское Я и самоактуализация не тождественны, по меньшей мере, по критерию независимости и автономности). Не исключено, что в отличие от Воплощенного Я, назначение Вторящего Я состоит как раз в том, чтобы самоактуализацию сдерживать, а не подкреплять.

В общем, обращает на себя внимание склонность к обладанию, которая, с одной

стороны, характеризует Воплощенное Я, и, с другой, может сопрягаться с положительным восприятием и оценкой насилия, но не прямо, а опосредованно, через поиск новизны, проявляющийся в самоактуализации и поиске ощущений. Возможно, в положительной оценке сцен насилия в кинофильмах проявляется специфическая, символическая форма обладания.

Полученные в нашем исследовании данные позволяют выдвинуть базовое предположение об избирательности переменных Я-концепции и черт личности, образующих умеренные интеграции и вовлекаемых в процесс психосемантического оценивания сцен насилия в кинофильмах.

Заключение

Большинство исследований сосредоточено вокруг оценки влияний сцен насилия в СМИ на личность и поведение. Но при этом недостаточно работ, изучающих роль самой личности в том, как она воспринимает медиа-насилие. Вопрос о вкладах Я-концепции зрителя в восприятие им транслируемых в СМИ сцен насилия вообще слабо проработан. В настоящем исследовании была предпринята попытка в первом приближении восполнить имеющийся здесь пробел.

Было установлено, что наиболее пригодными и вероятными (в сравнении с другими) являются некоторые модели среднего и начального уровней интеграции. Вероятно, в этих данных проявляется ограниченная связность личности зрителей в ситуации восприятия кинофильмов со сценами насилия. Кроме того, обнаружилось, что в качестве медиаторов между полимодальным Я и психосемантическим оцениванием кинофильмов со сценами насилия могут выступать самоактуализация и поиск ощущений. Предположительно, поиск новизны и склонность к обладанию связывают обе эти переменные между собой. Установлены статистически значимые пути от субмодальности Воплощенного Я через самоактуализацию и поиск ощущений к психосемантическому оцениванию сцен насилия в кинофильмах.

Можно выдвинуть базовое предположение об избирательности переменных полимодального Я и черт личности, образующих умеренные интеграции и вовлекаемых в процесс психосемантического оценивания сцен насилия в кинофильмах. В более же широком

контексте наши результаты свидетельствуют о влиянии внутренних факторов личности (а не только внешних) на восприятие сцен насилия.

Литература/References

1. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальная и полимодальная модели креативности. Информация, время, творчество. Ред. В.М. Петров, А.В. Харуто. М.: Государственный институт искусствознания, Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 2007, с. 73–79. [Dorfman L.Ja., V.M. Petrov, A.V. Haruto (Ed.) *Metaindividual'naja i polimodal'naja modeli kreativnosti. Informacija, vremja, tvorcestvo* (Metaindividuality and Multimodal Model of Creativity. Information, Time, Work) Moscow, Gosudarstvennyj institut iskusstvovznanija, Moskovskaja gosudarstvennaja konservatorija im. P.I. Chajkovskogo publ., 2007, pp. 73–79.]

2. Дорфман Л.Я., Зубакин М.В. Креативность и поиск ощущений. Психология творчества: наследие Я.А. Пономарева и современные исследования: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (27–29 сентября 2010 года, Пермь). Науч. ред. Л.Я. Дорфман, Д.В. Ушаков. Пермь: Пермский гос. ин-т искусства и культуры; М.: Институт психологии РАН, 2010, с. 94–99. [Dorfman L.Ja., Zubakin M.V., D.V. Ushakov (Ed.) (Creativity and the Search for Sensations. The Psychology of Creativity: the Legacy of J. Ponomarev and Modern Research) *Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii. 27–29 sentjabrja 2010 goda, Perm'* (Abstracts of the Scientific Conference. September 27–29, 2010, Perm) Perm', Moscow, 2010, pp. 94–99. (in Russ.)]

3. Дорфман Л.Я., Зубакин М.В. Личностные особенности восприятия художественных кинофильмов со сценами насилия. Вестник ЮУрГУ, серия «Психология», 2013. Т. 6, № 2, с. 13–24. [Dorfman L.Ya., Zubakin M.V. (Personality Characteristics of Perception Feature Films With Scenes of Violence). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2013, vol. 6, no. 2, pp. 13–24. (in Russ.)]

4. Дорфман Л.Я., Зубакин М. В. Психосемантическая оценка сцен насилия в художественных кинофильмах и депрессия зрителей. Вестник ЮУрГУ, серия «Психология», 2012, вып. 17, № 19 (278), с. 20–29. [Dorfman L.Ya., Zubakin M.V. (Psychosemantic Assessment of Violence in Feature Films and Depression View-

ers). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2012, issue 17, no. 19(278), pp. 20–29. (in Russ.)]

5. Дорфман Л.Я., Соболева Н.В. Полиmodalность Я и грани самоактуализации. Практическая психология '2000. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2000, т. 3, с. 22–27. [Dorfman L.Ya., Soboleva N.V. *Polimodal'nost' Ya i grani samoaktualizatsii. Prakticheskaya psikhologiya 2000*. (I Polymodality Verge of Self-actualization. Applied Psychology in 2000). Ekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2000, vol. 3, pp. 22–27.]

6. Зубакин М.В. Креативный потенциал и поиск ощущений личности. Психология творчества: наследие Я.А. Пономарева и современные исследования. Науч. ред. Л.Я. Дорфман, Д.В. Ушаков. Пермь: Пермский гос. ин-т искусства и культуры; М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 103–106. [Zubakin M.V. *Kreativnyy potentsial i poisk oshchushcheniy lichnosti. Psikhologiya tvorchestva: nasledie Ya.A. Ponomareva i sovremennye issledovaniya*. (Creative Potential and Help Feelings of the Individual. The Psychology of Creativity: the Legacy of J.A. Ponomarev and Modern Research). Perm, Permskiy gos. in-t iskusstva i kul'tury, Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2010, pp. 103–106.]

7. Зубакин М.В. Сцены насилия в кинофильмах и депрессия зрителей. Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Материалы XV Международная научно-практическая конф. студ., асп. и молодых ученых (29–30 ноября 2012 г.) Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. (CD). С. 350–355. <http://www.uresearch.psu.ru/main/> [Zubakin M.V. (Scenes of violence in movies and depression viewers). *Chelovek v mire. Mir v cheloveke: aktual'nye problemy filosofii, sotsiologii, politologii i psikhologii: materialy XV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konf. stud., asp. i molodykh uchenykh* (People in the world. World in man: actual problems of philosophy, sociology, political science and psychology. Proceedings of XV International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists). Perm, 2012, (CD), pp. 350–355. Available at: <http://www.uresearch.psu.ru/main/>]

8. Зубакин М.В., Дорфман Л.Я. Я-концепция, личность и восприятие сцен насилия (на материале художественных кинофиль-

мов). Сообщение 1. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология», 2014, т. 7, № 2, с. 5–14. [Zubakin M.V., Dorfman L.Ya. (Self-concept, Personality and Perceptions of Violence (based on feature films). Message 1). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2014, vol. 7, no. 2, pp. 5–14. (in Russ.)]

9. Маслоу А. Самоактуализация. Мотивация и личность. 3-е изд., СПб., Питер, 2009, С. 186–231. [Maslou A. *Samoaktualizatsiya. Motivatsiya i lichnost'*. (Self-actualization. Motivation and Personality). 3rd ed., St. Petersburg, Piter Publ., 2009, pp. 186–231.]

10. Bentler P.M. (1990). Comparative fit indexes in structural models. *Psychological Bulletin*, 107, 238–246.

11. Bentler P.M. (1995). EQS structural equations program manual. Encino, CA: Multivariate Software.

12. Bryant F.B. & Yarnold, P.R. (1998). Principal-components analysis and exploratory and confirmatory factor analysis (pp. 99–136). In L.G. Grimm & P.R. Yarnold (Eds.), *Reading and understanding multivariate statistics*, Washington, D.C.: American Psychological Association.

13. Byrne B. (1989). *A primer of LISREL: Basic applications and programming for confirmatory factor analytic models*. New York: Springer-Verlag.

14. Cloninger C.R. (2003). Completing the psychobiological architecture of human personality development: Temperament, character, & coherence. In: U.M. Staudinger & U.E.R. Lindenberger (Eds.), *Understanding human development: Dialogues with lifespan psychology* (pp. 159–182). Boston: Kluwer Academic Publishers.

15. Dorfman L., & Ogorodnikova A. (2007). Plural self, plural achievement motives, and creative thinking. In L. Dorfman, C. Martindale, & V. Petrov (Eds.), *Aesthetics and Innovation* (pp. 125–160). Cambridge: Cambridge Scholars Press.

16. Frazier P.A., Tix A.P., & Barron K.E. (2004). Testing moderator and mediator effects in counseling psychology research. *Journal of Counseling Psychology*, 51(1), 115–134.

17. Gough H.G., & Heilbrun A.B.Jr. (1983). *The adjective check list (ACL): Manual*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

18. Hayes B. (2013). First links in the Markov chain. *American Scientist*, 101, 92–97.

19. Hebb D.P. (1955). Drives and the CNS (conceptual nervous system). *Psychological Review*, 62, 243–254.

20. Holmbeck G.N. (1997). Toward terminological, conceptual, and statistical clarity in the study of mediators and moderators: Examples from the child-clinical and pediatric psychology literatures. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 65 (4), 599–610.

21. Jöreskog K.G., & Sörbom D. (1989). LISREL 7 user's reference guide. Chicago: SPSS Publications.

22. Schermelleh-Engel K., Moosbrugger H., & Müller H. (2003). Evaluating the fit of structural equation models: Tests of significance and descriptive goodness-of-fit measures. *Methods of Psychological Research*, 8, 23–74.

23. Schumacker R.E., & Lomax R.G. (1996). A beginner's guide to structural equation

modeling. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

24. Steiger J.H. (1990). Structural model evaluation and modification: An interval estimation approach. *Multivariate Behavioral Research*, 25, 173–180.

25. Vartanian O., Martindale C., & Kingery L. (2002). Creativity and disinhibition. In Eu. Malianov, N. Zakharov, E. Berezina, L. Dorfman, V. Petrov, and C. Martindale (Eds.), *Personality, creativity, and art*. Perm, Perm State Institute of Art and Culture, Prikamsky Social Institute, pp. 204–215.

26. Zuckerman M. (1979). *Sensation seeking: Beyond the optimal level of arousal*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Зубакин Максим Владимирович, ассистент кафедры психологии развития, философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, maxzubakinpsy@rambler.ru.

Дорфман Леонид Яковлевич, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, Пермская государственная академия искусства и культуры, dorfman07@yandex.ru.

Поступила в редакцию 16 июня 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series "Psychology"
2014, vol. 7, no. 3, pp. 5–13**

SELF-CONCEPT, PERSONALITY AND PERCEPTION OF VIOLENCE SCENES (BASED ON FEATURE FILMS MATERIALS). PART 2

M.V. Zubakin, Perm State University, Perm, Russian Federation, maxzubakinpsy@rambler.ru
L.Ya. Dorfman, Perm State Academy of Art and Culture, Perm, Russian Federation, dorfman07@yandex.ru

In this study some personality variables as mediators between Self-conception and psychosemantic evaluation of movies with violence scenes were examined. Raw data were gathered from a sample consisted of 199 participants recruited from Perm Universities (100 men and 99 women). Age ranged from 18 to 24. Research hypotheses were tested by means of structural equation modeling. Conditionally, three model levels of integration were singled out, namely, reductive, moderate, and high. The model of moderate level significantly fitted the data and was most probable. Data obtained evidenced in favor of self-actualization and sensation seeking variables served mediators between Self-conception and psychosemantic evaluation of movies with violence scenes. Findings give rise that selectivity of Self-conception and personality traits variables bringing into a moderate integration fashion are involved in psychosemantic evaluation of movies with violence scenes.

Keywords: Self-conception, plural self, self-actualization, sensation seeking, psychosemantic evaluation, media violence.

Received 16 June 2014